

© 1997 г.

И.А. Джидарьян

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЧАСТЬЕ В РУССКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ*

Анализируется проблема счастья в аспекте русской культуры, и раскрываются некоторые особенности восприятия счастья–несчастья в менталитете русского народа. Показано, что отношения к радостям и страданиям, счастью–несчастью составляют важную характеристику национального самосознания и в значительной степени определяют своеобразие духовной культуры и национально-психологические черты русских людей. Отмечается нравственно-духовная доминанта счастья в русской ментальности, а также сложные, неоднозначные связи между оптимизмом и удовлетворенностью жизнью.

Ключевые слова: счастье–несчастье, менталитет, национальное самосознание, удовлетворенность–неудовлетворенность жизнью, оптимизм, смысл жизни.

Во все времена и все народы мира пытались ответить на вопросы о том, что такое счастье и что делает людей счастливыми или несчастными в процессе жизни. Это один из тех вечных вопросов человечества, который ставит перед собой каждое новое поколение людей, не соглашаясь или даже отвергая многое из того, что утверждали и говорили их предшественники. За долгую историю человеческих исканий истины и стремлений к счастью были предложены сотни его определений, выдвинуто множество теоретических подходов и концепций¹. Противоречивость взглядов и чрезмерный субъективизм в оценках и суждениях о счастье нередко порождали скептицизм в отношении возможностей его объективного, строго научного исследования [3, с. 62]. Многие из этих возражений и замечаний действительно имеют под собой реальные основания, поскольку сама природа счастья и его достижения весьма относительны. Тем не менее проблема счастья никогда не переставала быть предметом научных изысканий и специальных исследований, попыток дать четкие, точно сформулированные положения, отвечающие требованиям и критериям науки.

Особенно заметно возрос научный статус этой проблемы со второй половины 60-х годов нашего столетия, когда в западной и прежде всего американской науке стали активно проводиться социально-психологические, в том числе и экспериментальные исследования различных аспектов счастья и удовлетворенности жизнью. В отличие от большинства работ предшествующих лет, содержащих преимущественно теоретические рассуждения о том, что есть счастье и как его достигнуть, в этих эмпирических исследованиях акцент был сделан на разработку и обоснование научного инструментария его исследования, предусматривающего специальные методические приемы,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда (код проекта № 95-06-17747).

¹ Как отмечает в своем эссе о счастливой жизни Роберт Шпеман, еще римский философ Варрон (116–37 гг. до н.э.), а вслед за ним и Августин Блаженный (354–430 гг. до н.э.) "насчитали ни более ни менее как двести восемьдесят девять различных точек зрения на счастье" (цит. по [6, с. 8]).

способные существенно снизить субъективизм индивидуальных суждений и достичь большей объективности исходных эмпирических данных.

В результате этих исследований, многие из которых проводились по Международным научным проектам, удалось получить достаточно большой массив конкретно-научных данных, позволивший увидеть не только общие тенденции и закономерности, но и некоторые особенности их проявления в разных странах и у разных народов.

К сожалению, наша страна не принимала участия во многих проектах, связанных с проблематикой счастья и жизненного благополучия людей, практически не было и своих собственных исследований по этой тематике, в то время как во многих западных странах они уже давно и успешно осуществлялись. Основная причина традиционных замалчиваний или "невнимания" советской науки к определенным проблемам или даже целым направлениям исследований хорошо известна — они не укладывались в четко выстроенную в те годы систему идеологических и пропагандистских установок. И действительно, уже сама постановка вопроса о том, в какой мере счастливы или несчастливы люди в обществе победившего социализма, должна была показаться неправомерной с позиций этих установок, не говоря уже о перспективе получить негативные результаты на основе конкретных, социально-психологических исследований.

Ограниченность эмпирической базы для прямого сопоставительного анализа современных менталитетов наших народов по данному фактору сделала необходимым расширить рамки данного исследования и рассмотреть проблему счастья в аспекте русской культуры в целом, в связи с духовными традициями и национально-психологическими особенностями русского народа, самобытности его судьбы и исторического существования в мире. В соответствии с этим и общая стратегия такого исследования ориентирована уже не на поиски того, что отличает русский народ от других народов и как бы демонстрирует его "инаковость" (это лишь вторая, как бы "побочная", но не определяющая задача), а на выявление того, что является для него особенно характерным, наиболее типичным и глубоко укорененным, а следовательно, и национально-индивидуальным в вопросах счастья. Это позволяет увидеть общечеловеческое не столько через призму отдельных различий, сколько через богатство его конкретных национальных форм, возвышающихся до общечеловеческих значений.

Такая постановка вопроса отвечает традициям русской философской мысли, для которой тема "русскости" (Н. Бердяев) — это не тема исключительности, особого предназначения или избранности русского народа, а тема его самобытности, исторических корней и духовных оснований развития. В более общем философском плане — это проблема соотношения категорий всеобщего и особенного, то есть национального во всечеловеческом и всечеловеческого в индивидуальных формах национального. Как справедливо подчеркивал в своих работах Н. Бердяев, развитие и обогащение всечеловеческого достигается через глубину и богатство национальных индивидуальностей и культур и наоборот. Другого исторического пути их развития нет и быть не может [4, с. 94].

Как известно, в российской истории тема национального самосознания и исторической судьбы народа возникала не раз, обостряясь в переломные эпохи социальных преобразований и общественных потрясений, глубоких реформирований и водворотов. Одна из опасностей таких периодов, не без оснований считал Н.О. Лосский, состоит в том, что тяжелые годы внешних и внутренних потрясений истощают силы народа и, как бы ни был могуч его национальный характер, у него "в такие периоды может развиться недоверие к себе и опасная подражательность" [15, с. 324].

Сегодня российское общество вновь переживает тяжелый период своего развития: оно поражено глубоким экономическим и нравственным кризисом; оно на распутье, растеряно. Никто не знает ни точных рецептов, ни четких ориентиров, ни своего будущего, но уже, к сожалению, снова перечеркивается и игнорируется многое из того, что было нашим недавним прошлым и стало достоянием духовного опыта народа.

В условиях новых реформ с их четко выраженным поворотом в сторону ценностей западного образа жизни и торгово-рыночных отношений в общественной жизни, когда СМИ заполонила "жвачно-сникерская" и другая чуждая большинству россиян реклама и угрожающими темпами идет "вестернизация" отечественной культуры, закономерным представляется интерес многих наших ученых к проблеме российско-русского менталитета, традиционным национальным ценностям, многовековому духовно-нравственному опыту народа [7, 21, 22].

В своем анализе проблемы счастья в контексте российского менталитета мы опирались на самые различные источники, используя не только специальные научные работы и результаты конкретных эмпирических исследований, но и произведения русской художественной литературы и поэзии, включая народное творчество, высказывания наших известных мыслителей, деятелей искусства и литературы.

* * *

Традиционная для русского сознания моральность с ее многосторонними и многотрудными поисками абсолютного добра и духовного смысла во всем, что затрагивает основы бытия и человеческого существования в мире, в полной мере обнаруживает себя и в отношении к счастью–несчастью. Однако, проблема для нас не просто в наличии этой моральной доминанты, в преобладании духовно-нравственной точки зрения над всеми другими в представлениях и рассуждениях о счастье, а в содержательных характеристиках самой нравственности, в раскрытии ее российской ментальности.

Известно, что нравственная проблематика счастья в различных своих аспектах возникла и активно разрабатывалась еще в древнегреческой философии (Платон, Сенека, стоики и др.). Однако, ее дальнейшее развитие, а также возможность огромного влияния на культуру и сознание европейских народов оказались непосредственно связанными с христианским вероучением. "Благословенны плачущие", – один из лейтмотивов Евангелия от Матфея, согласно которому счастье является сверхъестественным даром, заслугой за нравственные добродетели и прежде всего за терпение и кротость в борьбе с трудностями, за честность и справедливость, за лишения и страдания в земной жизни. Вместе с религиозным сознанием в этической проблематике счастья усиливалась тема аскезы, страдания, отказа от искушений и чувственных удовольствий.

Особенно сильным на формирование национального самосознания и характера русского народа, на его культуру, на весь нравственно-духовный облик оказалось влияние православного христианства – и для этого были свои причины, о которых мы скажем дальше. На протяжении тысячелетней российской истории православная идеология настолько органично переплелась с традициями, верованиями, умонастроением и мировосприятием народа, что это дает основание говорить многим авторам не просто о русском, а русско-православном менталитете [7, с. 65]. По крайней мере не вызывает сомнений огромная роль православия в формировании той системы представлений и чувствований русского народа, которые определили его жизненную философию счастья.

В рамках такой системы представлений о счастье – как ни парадоксально это может показаться на первый взгляд – важнейшее значение принадлежит мотиву страдания как той структуры сознания, которая несет в себе основной духовно-нравственный смысл. Счастье воспринимается не само по себе, не как отдельный и самодостаточный факт или сторона жизни, а в соотношении и через призму своих противоположностей – страдания и несчастья. Более того, все возможные радостно-счастливые состояния земной человеческой жизни как бы отодвигаются на вторые позиции, уступая первенство в этой цепочке понятий несчастью и связанным с ним переживаниям. Именно такие причинно-следственные отношения между счастьем и несчастьем просматриваются в большинстве русских народных пословиц и пого-

ворок. Например: "Бояться несчастья – и счастья не видеть", "Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло", "Кто нужды не ведал, и счастья не знает", "Где горе, там и радость" и др.

Общеизвестно, что народы мира во все исторические времена выражали свои чувства и мысли, мироощущения и надежды через многие и самые разные виды художественного творчества. Для русского народа наиболее традиционной формой такого самовыражения стала песня. Именно русская народная песня, в основе своей печальная и жалобливая, пронизанная "тоскою-кручиною, великой печалию" [5, с. 188], была мощным источником чувств, важнейшим энергетическим зарядом для творчества практически всех крупных представителей отечественной литературы и поэзии. А.С. Пушкин, изучая народные песни и отмечая их огромное влияние на все свое творчество, писал: "Вообще несчастье жизни семейственной есть отличительная черта во нравах русского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание – или жалоба красавицы, выданной замуж насильно, или упреки молодого мужа постылой жене" [5, с. 185–186].

Позже о том же самом, но в более широком контексте, прекрасно скажет А.Н. Апухтин, специально посвятив русской народной песне одно из своих стихотворений:

Не могучий дар природы
Не монахи-мудрецы, –
Создавали вас невзгоды
Да безвестные певцы...

И как много в этих звуках
Непонятого слилось!
Что за удал в самих муках,
Сколько в смехе тайных слез!...

Годы идут чередою...
Песни нашей старины
Тем же рабством и тоскою
Той же жалобой полны...

[11, с. 309–310].

Поэтому совершенно логично, что в подобной эмоциональной тональности воссоздавали образ родины и многие поколения русских поэтов: он несет на себе печать вековой бедности и страданий народа, его тяжелой исторической доли и больших жизненных испытаний. Для большинства из них – это не только и, возможно, даже не столько "разливы рек ее – подобные морям", "лесов безбрежных колыханье", "степей холодное молчанье", "чета белеющих берез" и т.д., но и "дрожащие огни печальных деревень" (М.Ю. Лермонтов), "строения без крыш, разрушенные стены, и та же грязь и вонь, и бедность и тоска" (И.С. Тургенев), "вид угрюмых людей, вид печальной земли" (А.М. Жемчужников), где "беда из веки в века... и обижен человек" (К. Бальмонт) и "несчастье шлялось под окнами как нищий на заре" (И. Бабель) и т.д.

В соответствии с этим поэтическим образом родного края, который предстает со страниц отечественной лирики, и в русской прозе, особенно в реалистической литературе XIX века, активно развивается и даже становится преобладающей темой несчастной человеческой судьбы, духовных и физических страданий, тоски и надежды на лучшую жизнь. И эта тема встречает живейший отклик у самых разных слоев российского общества, оказываясь созвучной общему мироощущению и настроению народа.

Так, В.Г. Белинский писал о "Бедной Лизе" Н.М. Карамзина, что она "сводила

с ума всю публику" [12, с. 33]. Написанная еще в конце XVIII века, она повествовала о несчастной судьбе своих героев и, несмотря на незамысловатость сюжета и простоту изложения, на протяжении двух столетий вызывала неизменный интерес у всех поколений российских читателей.

В контексте нашего исследования следует однако подчеркнуть, что "печально-страдательная" доминанта в судьбе многих героев русской прозы – это не трагизм шекспировских героев, поднятый до уровня мировых судеб и "кипения" земных страстей, и даже не драма человеческого существования в произведениях многих европейских авторов. Это несколько другая, со своими "русскими" изломами и перегибами, несчастливость и неустроенность личного бытия, неблагополучие "души томящейся и ищущей", одновременно открытой и глубоко ранимой, охваченной мучительными переживаниями "своего бессилия перед необходимостью" (Достоевский), со своей "вековой тоской" (Блок) и "великой печалию", занятой поисками истины и правды, вечно сомневающейся и в то же время доверчивой и ошибающейся.

Другими словами, это не столько трагизм поступков, действия, прямого героического дела, сколько "скрытый трагизм бытия" (Н. Бердяев), "неудовлетворенность всем вообще существующим" (Е. Трубецкой) как временным, относительным и условным, трагизм неписанности в мировую гармонию, в универсальные духовно-нравственные законы жизни; и это скорее не трагизм на уровне рассудка, логики жизни и здравого смысла, а на уровне интуиции, внутренних ощущений и разладов.

Конечно, вековая нищета и бедность "земли русской", о которых так много сказано и написано в отечественной литературе и поэзии, где, по выражению поэта, "жизнь стонет раньше, чем родиться, и стоном пролагает путь" [11, с. 300], не является каким-то "божьем наказанием" или проявлением национальных особенностей русского народа. Это не его вина, а скорее беда, в исторической судьбе его проявилась "злая волюшка": неблагоприятный расклад и совпадение прежде всего целого ряда объективных факторов и обстоятельств жизни. Главные из них хорошо известны – многие были выделены и проанализированы еще в работах дореволюционных русских историков и философов [3, 4, 15, 24, 25]. Однако традиция такого широкого "многофакторного" исследования была, к сожалению, прервана в советские годы как идеалистическая и ненаучная, а объяснительные возможности общественных наук, пытавшихся во всем увидеть лишь проявление законов классовой борьбы, взаимоотношений производительных сил и производственных отношений, были по существу весьма ограничены. Но это уже другая, выходящая за рамки данного исследования, проблема.

В контексте нашей темы важным представляется сам факт того, что объективно складывавшиеся для русского народа на протяжении столетий условия существования – исторические, территориально-географические, природные, хозяйственно-экономические и др. – не давали ему никаких оснований для довольства и безбедной жизни, способствовали формированию таких особенностей характера, системы ценностей и мироощущения, которые определяли и его понимание и восприятие счастья–несчастья.

В частности, в свете этого факта объяснимо и то, почему "земля русская" оказалась столь благодатной для восприятия и укоренения на ней христианской идеологии, для которой центр тяжести в земном существовании человека представляется смещенным в сторону несчастья и, по образному выражению В. Татаркевича, является скорее "долиной плача", чем "садом радости" [23, с. 238].

В свою очередь, в русском Православии усиливается внимание к духовно-нравственным основаниям этого сдвига, развивается и обогащается христианская идея связи души и страдания: страдание наполняется глубоким духовным смыслом, начинает олицетворять подлинность человеческого бытия, истинность человеческой личности. И на протяжении веков разными путями и в разных формах развивается и

укрепляется одна из самых основополагающих для русского сознания формула, которую гениально просто выразили по отношению к себе наши великие поэты: А.С. Пушкин – "Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать" [19, с. 169]; М.Ю. Лермонтов – "Я жить хочу! хочу печали любви и счастьем назло" [14, с. 141].

Своего высшего художественного воплощения тема "страдающей души" и связанные с ней *идея и убежденность в том, что страдание есть проявление души, а, следовательно, и самой жизни*, что оно есть "светитель" и ее истинная основа, получили, как известно, в творчестве Ф. Достоевского, одного из самых глубоких исследователей "тайн" человеческой личности вообще, "русской души", в частности.

В системе жизненных ценностей русского народа страданию придается благодетельный, нравственно-очищающий и духовно-возвышающий смысл: им определяются общая душевная отзывчивость человека, его способность воспринимать не только собственное, но и чужое горе, проявлять сочувствие и сострадание к другим людям, готовность оказать им помощь в трудные минуты жизни. О том, что значат для русского человека чувства сострадания и сочувствия, прекрасно сказал И.С. Тургенев. Обращаясь к московским студентам, выразившим глубокое признание и поклонение в связи с его чествованием в 1879 году, уже стареющий и умудренный большим жизненным опытом писатель сказал: "я... горжусь и осчастливлен этим сочувствием, ...это сочувствие есть высочайшая, единственная награда, после которой уже ничего не остается желать" [26, с. 335].

Обостренное и повышенное внимание к печальным сторонам жизни в сознании и мировосприятии русского народа определили, в свою очередь, и весьма скромные позиции в них счастья и его составляющих. Счастье чаще всего воспринимается как мечта, как идеал – "счастья искали, счастья не нашли" (К. Бальмонт) – или, в лучшем случае, как отдельные мгновения и быстротечные эпизоды жизни – "радость короткая" (С. Есенин) – которые трудно и невозможно удержать. Сознание как бы противится иллюзорности и мимолетности состояний мирского благополучия и переживаний радости: "счастью не верь – а беды не пугайся" – по-житейски мудро и по-доброму наставляет русская народная пословица. Оно словно опасается возможных противоречий и "столкновений" с собственным нравственным чувством, которому эмоционально ближе и интуитивно понятнее как общая "мировая скорбь", так и печаль конкретной человеческой жизни.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в рамках русского менталитета очень значимой и актуальной оказалась такая сложная и неоднозначная проблема, как проблема счастья и вины, морального права быть счастливым.

И действительно, почему в жизни нередко случается так, что присутствуют, казались бы, все внешние атрибуты счастья, достигаются все поставленные цели, реализуются все возможные и невозможные желания, но счастливым человек, увы, не становится? И здесь многое объясняется внутренним моральным чувством.

Уже Н.М. Карамзин в своей исторической повести "Марфа-посадница, или Поколение Новгорода" в заостренной форме и на конкретном российском материале поставил эту проблему, соединив между собой счастье и вину, которая им порождается. "Благоденствие Новгорода", когда "Россия бедствует – ее земля обогрется кровию, веи и грады опустели, люди, как звери, в лесах укрываются, отец ищет детей и не находит, вдовы и сироты просят милостыни на распутиях", – такой упрек городу делается со стороны россиян, и он "в сей вине не может оправдаться". "Так, мы счастливы – и виновны, ибо дерзнули повиноваться законам своего блага", – обвиняют сами себя смелые и вольнолюбивые граждане Новгорода, понимая моральную неправомерность своего счастья и процветания [12, с. 181].

Подлинных высот национального осмысления проблема моральной правомерности счастья достигает у А.С. Пушкина, в его "Борисе Годунове". И снова рефреном звучит такое привычное для русского сознания "счастья нет", но уже в устах самого могущественного на Руси человека – царя.

Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет моей душе...
Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе.
Мне счастья нет...
Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть

[16, с. 207–208].

В рамках нравственного типа отношения к счастью, который веками формировался в недрах русского сознания и составляет привлекательную, ценную национальную черту нашего народа, ясно просматривается механизм своеобразного "дистанцирования" или даже "боязни" счастья. Он связан прежде всего с чувством внутренней неловкости и психологического дискомфорта из-за того, что многие другие люди несчастны и страдают, в то время как тебе хорошо и ты счастлив. Человек как бы стесняется своего счастья, если кому-то рядом плохо и тяжело. Нередко такая рефлексия нравственного сознания осуществляется бессознательно и возникает парадоксальное и трудно объяснимое состояние, когда ты как бы несчастлив своим счастьем.

На эти проявления нравственного сознания во всей их противоречивости и сложности обратил внимание Н. Бердяев, занимаясь "самопознанием". Говоря о русских чертах своего мировосприятия, он, с присущим ему мастерством тонкого психолога и глубокого аналитика, не раз возвращался к мысли о том, что "всегда боялся счастливых, радостных минут", что именно в эти минуты "с особенной остротой вспоминал о мучительности жизни" [3, с. 46]. "Более того, – продолжал он свои наблюдения и размышления над этими особенностями своего жизнечувствия, – мне часто думалось, что я не хочу счастья и даже боюсь счастья. Всякое наслаждение сопровождалось у меня чувством вины и чего-то дурного" [3, с. 62].

В представлениях русских людей о счастье не могла не проявиться одна из наиболее удивительных, по выражению Н. Бердяева, особенность русского менталитета – способность объединять самое противоположное и взаимоисключающее, "устремленность к крайнему и предельному", когда "бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагородством, отсутствием достоинства, рабством" [4, с. 11].

Именно эту парадоксальную "антиномичность" и "двойственность" русской души имел в виду А.С. Пушкин, когда что-то "родное" слышалось ему "в долгих песнях ямщика: то разгулье удалое, то сердечная тоска" [18, с. 309].

Обратной стороной этой "очень национальной, – по выражению Н. Бердяева, – черты русских" [4, 32] является отсутствие "среднего", "бессилие" и даже "бездарность" во всем относительно, умеренном, что как раз преобладает в природно-историческом процессе и в реальной жизни, в том числе, в вопросах счастья.

И действительно, крайности и предельный разброс мнений характеризуют чаще всего оценки и притязания русских людей на счастье. С одной стороны, многие из них не мыслили себе счастья вне традиционной и сокровенной для православной души идеи всеобъемлющего и абсолютного блага, отвергающей любые компромиссы и соглашения в своем стремлении к всеобщему счастью, "страдающей за всех притесненных, бедных, жалких и принимающей на себя их несчастья" [25, с. 211].

С другой стороны, стремление к счастью во всечеловеческом масштабе и по максимуму не мешало многим из них быть довольными теми малыми благами, которые были в их реальной жизни. Подобно одному из персонажей повести И.С. Тургенева "Муму", мечтающему как о высшем для себя счастье "быть поприветст-

вованным при людях" и почувствовать себя хотя бы раз "в числе человеков" [27, с. 254], большинство русских людей чаще всего тоже оставались в пределах самых скромных и минимальных притязаний — "было бы что поесть и во что одеться". И этот минимум не давал оснований чувствовать себя несчастливыми.

* * *

Возникает естественный вопрос: имеются ли в современном российском обществе, точнее, проявляются ли у наших граждан в их отношении к счастью-несчастью в качестве некоторого общего свойства национально выраженные черты и особенности, на которые мы обратили внимание в своем анализе? Или все уравнилось и стерлось под влиянием новых процессов общественной жизни?

Мы полагаем, что для положительного ответа на первый из поставленных выше вопросов у нас все же есть достаточные основания. И это не только отдельные наблюдения, свидетельства, высказывания и т.д., но и конкретные, хотя и ограниченные научные и эмпирические данные, подтверждающие общий вывод. Сошлемся на некоторые из них.

Так, при внимательном анализе содержания многочисленных интервью с нашими известными и менее известными соотечественниками, нельзя не обратить внимания на такой, например, факт, что в отличие от своих зарубежных коллег, особенно американских, многие из них при ответе на традиционный для интервью вопрос "Счастливы ли вы?" стараются смягчить категоричность своего утвердительного ответа и говорят об этом без торжественных интонаций, более приглушенно и даже уклончиво. Как выразился один наш известный публицист, быть счастливым у него "совести не хватает". Поэтому более естественно для него сказать, что он "не несчастный человек" [13, с. 4].

В этой связи вспоминаются очень искренние и яркие по своей созвучности высоким русским духовно-нравственным традициям признания нашей замечательной народной актрисы Ф. Раневской: "Мне было бы стыдно иметь деньги, бриллианты, сбер-книжки, — как-то сказала она. — Стыдно, я не могла бы... Знаете, в чем мое богатство? — В том, что оно мне не нужно" [20, с. 9].

Важными в этом вопросе стали для нас и собственные наблюдения в процессе проведения экспериментального исследования, когда на вопрос "Счастливы ли Вы?" многие испытуемые, рядовые граждане страны, вместо прямого ответа "Да, я счастлив(а)", предпочитали для себя более смягченный вариант, например, "Я, скорее, не несчастный человек".

Наконец, имеются и более достоверные в научном отношении данные, которые, наряду с уже приведенными, дают основание говорить о национальных особенностях восприятия счастья-несчастья в современном русском менталитете.

Как отмечают многие зарубежные исследователи, существует тенденция к преувеличению "счастливых ответов" [1, с. 30]. С точки зрения западного образа жизни и его менталитета, особенно американского, такая тенденция вполне закономерна и понятна: здесь надо быть счастливым, надо постоянно "чувствовать себя на высоте" и всегда улыбаться. И неважно, как на самом деле обстоят дела и что в это время происходит у тебя внутри. В противном случае можно быстро потерять необходимый кредит доверия и уважения со стороны сослуживцев и знакомых, лишиться шансов на успешную карьеру и высокое положение в обществе. "Несчастливыцы" вряд ли могут рассчитывать на снисхождение, или хотя бы на равное к себе отношение по сравнению с теми, кто более благополучен и у кого все "о-кей". Известно, например, что у работодателя часто не оказывается мест для несчастливцев [1]. Учитывая эти обстоятельства, некоторые исследователи, особенно американские, нередко даже в ущерб научности, предпочитают не включать в свои опросники пункты, в которых респондентов просили бы оценить степень их несчастливости.

В отношении российского общества и его граждан подобные опасения не пред-

ставляются актуальными, а соответствующие вопросы не имеют травмирующего контекста. Такой вывод обоснован следующими соображениями, основанными на результатах эмпирических исследований.

Прежде всего обращает на себя внимание высокий процент неудовлетворенных жизнью людей, который фиксируется социологическими опросами последних лет. По данным ряда таких опросов в среднем до 75% наших соотечественников в той или иной мере не удовлетворены своей нынешней жизнью и материальным благополучием, живут без надежды, не имеют идеалов, не уверены в завтрашнем дне, испытывают напряжение, раздражение, тоску, страх и другие отрицательные чувства [9].

Эти показатели значительно выше тех, которые выявляются в зарубежных опросах и исследованиях. Сошлемся на очень выразительные результаты одного такого исследования, которые привела недавно социолог О. Здравомыслова в своем выступлении по российскому радио в передаче "Боритесь за свои права" от 6 марта 1996 г. Так, наша страна по количеству несчастливых в личной жизни людей оказалась непревзойденным лидером, оставив далеко позади себя Англию, Францию и США. В то время как 42% опрошенных россиян считают себя несчастливыми, среди французов таких оказалось 25%, среди англичан всего 1%, а несчастливых американцев вообще не оказалось. В этой связи интересно отметить, что по объективным показателям чувствовать себя несчастливыми в личной жизни у россиян отнюдь не больше оснований, чем у тех же англичан, американцев или французов. Известно, например, что не только у нас, но и в ряде стран Запада каждая третья супружеская пара разводится, причем во многих семьях конфликты сопровождаются рукоприкладством [1, с. 222]. Поэтому вряд ли большинство людей там действительно счастливы. И хотя по объективным показателям между нашими странами нет принципиальной разницы, она впечатляет количеством положительных и отрицательных ответов. Причина, конечно, в чем-то другом, и мы к этому вопросу вернемся позже.

По данным нашего собственного исследования средние значения по показателям общей удовлетворенности и счастья также являются недостаточно высокими, значительно уступая тем, которые были получены в аналогичных исследованиях зарубежных авторов [9].

Конечно, высокий процент несчастливых и неудовлетворенных жизнью людей в нашей стране, по сравнению с западными, было бы проще всего объяснить объективными факторами – низкий уровень жизни, моральный и духовный кризисы общества и т.д. Влияние объективных факторов на удовлетворенность жизнью действительно является существенным, но далеко не самым главным. Более того, в западных странах с высоким материальным достатком за последние 20–30 лет отмечается ослабление подобного влияния. В среднем на долю этих факторов по данным ряда американских исследований приходится не более 15% всех различий в субъективном благополучии [28, с. 558].

В свою очередь, некоторые кросс-культурные исследования, а также проводимые институтом Гэллага международные обзоры по разным странам и регионам (как уже отмечалось, наша страна ни в одном из них не представлена), не показывают значимых положительных корреляций между уровнем экономического благосостояния народов этих стран и ощущением счастья [1, с. 152]. Так, уже в 1976 году, неожиданно для самих исследователей, было обнаружено, что латиноамериканцы, живущие на грани нищеты, более счастливы, чем европейцы. В то же время среди европейских стран, входящих в Европейское экономическое сообщество и по экономическим показателям благополучия своих граждан находящихся примерно на одном уровне, имеются существенные различия в субъективных показателях счастья. Выяснилось, например, что более всего удовлетворены своей жизнью бельгийцы, датчане и голландцы, в то время как у французов, итальянцев и немцев этот уровень самый низкий.

Поэтому логично предположить, что на показатели субъективного ощущения счастья и удовлетворенности жизнью людей, живущих в разных странах, существ-

венное влияние оказывают культура и традиции этих народов, у которых в процессе совместного исторического существования и других факторов сформировались некоторые общие представления о счастье–несчастье, определенный уровень жизненных запросов, свои различия в точках отсчета, оценивания и сравнений.

В отношении российских традиций и российского менталитета наиболее важной представляется нам присущая им доброжелательная тональность при восприятии несчастья и тех, кто несчастен. В этом восприятии нет никакого осуждающего или унижающего контекста, каких-либо намеков на неполноценность или ущербность личности.

"Бояться несчастья – счастья не видеть", "Беда вымучит, беда и выучит", "Тебя и накажут, тебя и пожалеют", – в этих нравственно-практических предписаниях русских пословиц обобщен жизненный опыт народа, много пережившего и перестрадавшего за свою тысячелетнюю историю, познавшего вековую нужду и другие тяжелые испытания судьбы и научившегося достойно и по-доброму относиться даже к несчастью.

Благожелательный тон русского человека по отношению к несчастью обуславливал и, в свою очередь, обуславливался тем главным смыслом, который всегда был преобладающим в представлениях нашего народа о счастье–несчастье и остается по существу таким и сегодня. Этот смысл связывается прежде всего и главным образом с пониманием несчастья как удара судьбы, проявлением беды, от которой никто не застрахован. Как известно, и само слово "счастье" в русском языке происходит от корня "часть", т.е. удел, судьба. Соответственно, несчастье – это не удел, не судьба. Однако, одновременно просматриваются и некоторые различия. Так, если достижение счастья еще может связываться с какими-то усилиями и заслугами самого человека, то в несчастье эта личностная компонента практически всегда отсутствует.

Понятно, что доброжелательно-сочувственная тональность русского сознания к несчастью определила и свойственную русским людям откровенность в отношении к своим бедам и страданиям, которые обычно не скрываются от других. Русским людям свойственна привычка "поведать" о своих несчастьях, рассказать о своем горе, не сомневаясь при этом, что их поймут и поддержат. Мотив сочувствия глубоко укоренен в русском менталитете и в качестве некоторой общей тенденции остается в нем, бесспорно, и сейчас.

По нашим наблюдениям и некоторым другим свидетельствам (в том числе, по тому большому числу отрицательных утверждений, которые фиксируют соответствующие опросы) и в современном российском обществе люди не испытывают сколько-нибудь глубоких комплексов, не встречают серьезных внутренних барьеров при ответах на вопросы о своей несчастливости и неудовлетворенности жизнью. В большинстве случаев они отвечают на эти вопросы достаточно открыто и прямо, не прибегая даже к смягчающим формулировкам отрицательных утверждений. В отношении российской ментальности, в том числе современной, нет сколько-нибудь достаточных оснований говорить о тенденции занижать свою несчастливость. Скорее даже, наоборот.

* * *

Выделенная в нашем анализе асимметрия в соотношении счастья–несчастья, которая объективно сложилась в исторической судьбе русского народа, делает правомочным вопрос о том, в какой форме, и как отразилась она на его характере и особенностях мировосприятия? Не сделала ли эта "многострадальность и жертвенность земли русской", о которой говорил Н. Бердяев [4, с. 34], наш народ менее жизнелюбивым? Не снизила ли общую восприимчивость и способность в полной мере радоваться и наслаждаться жизнью?

Возможность такого влияния на протяжении тысячелетней российской истории,

конечно, была, исключать ее у нас нет оснований, но определить и обосновать чрезвычайно сложно. Впрочем, это не столь важно и в данном случае не имеет принципиального значения. Поэтому ограничимся ссылкой на авторитетное замечание Н. Бердяева, сделанное им, правда, по другому поводу: "Русские, — отмечает он, — почти не умеют радоваться, совсем почти не знают радости формы" [4, с. 65].

Более интересной и важной представляется нам другая версия возможного влияния "дефицита" счастья на некоторые особенности русского менталитета, хотя сама она может показаться не совсем традиционной и в чем-то даже неожиданной.

Правомерность и реальность этой версии мы связываем с проявлением общепсихологических механизмов компенсации и возмещения, благодаря которым обеспечивается, как известно, жизнеспособность живых систем, достигается необходимый баланс сил, происходит взаимозаменяемость функций и свойств, возникает возможность уравнивать недостатки и ограничения в одном преимуществами и достоинствами в другом. Поэтому логично предположить, что веками продолжающийся "недобор" счастья в жизни народа при наличии естественной потребности радоваться "здесь и сейчас" не могли не отразиться на развитии у него таких качеств и структур психики, которые были бы способны компенсировать эту недостаточность, могли стать источником положительных эмоций в реальной жизни, необходимой подпиткой для жизненных сил и стойкости духа, которые всегда были присущи русским людям.

Таковыми свойствами и структурами психики могли быть прежде всего оптимизм² с его устремленностью в завтрашний день, надеждами и мечтой о благополучном и счастливом будущем, поисками более высоких идеальных оснований бытия, а также стремление к смыслу жизни, без которого для русского сознания нет счастья.

И здесь мы прежде всего хотим обратиться к поэзии А.С. Пушкина, сослаться на одно из его дивных четверостиший:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет,
Настоящее уныло;
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило

[18, с. 239].

Надежда, как известно, была верной спутницей творчества Пушкина на всем протяжении его непростой жизни, опорой "неподкупного голоса" поэта, ставшего воистину "эхом русского народа" [17, с. 302]. И он своей "чувствительной душой" [17, с. 173] человека и гражданина не мог, конечно, не уловить ее родственных корней с человеческими несчастьями, невзгодами страны и бедами родного народа. "Нес-

² Распространенное в литературе и в обыденном сознании мнение, что счастливые люди всегда оптимисты или, по крайней мере, более оптимистичны, чем несчастливые, и наоборот [30], не может служить в данном случае контраргументом, поскольку не подтверждается современными эмпирическими исследованиями. Например, сравнивая уровни оптимизма людей, живущих в разных странах [29], с данными по счастью и общей удовлетворенности жизнью, полученными в других кросскультурных исследованиях (на которые уже были ссылки выше), мы получили весьма пеструю и неоднозначную картину. В частности, оказалось, что по числу наименее оптимистически настроенных граждан в числе первых оказались Бельгия, Дания, Голландия, т.е. как раз те страны, которые лидируют по числу самых счастливых в Европе людей. В то же время американцы и канадцы, как и жители Южной Америки и Австралии, являются не только наиболее счастливыми, но и наиболее оптимистичными народами в мире. Что же касается большинства стран и народов, то по данным этих исследований, сколько-нибудь четких зависимостей между показателями оптимизма, с одной стороны, и общей удовлетворенностью жизнью, с другой, нет.

частью верная сестра" – вот какое поэтическое сравнение находит он для нее в известном стихотворении "Во глубине сибирских руд", стремясь надеждой поддержать друзей в "минуты роковые", вселить в них "бодрость и веселье" [19, с. 7]. С юношеских лет поэт твердо верил сам и постоянно призывал друзей не сомневаться в том, что придет "желанная пора", когда над их отечеством взойдет, наконец, "звезда пленительного счастья" [17, с. 307].

Страной "пророческих предчувствий и ожиданий" называл Россию Бердяев [4, с. 30], народ которой должен был, как писали русские поэты, сохранять "в сердце радостную веру средь кручины злой" [11, с. 189], "силами мечты воссоздавать и дорисовывать" чего он не имеет [11, с. 301]. Н.В. Гоголю в русской народной песне слышалось "стремление унести куда-то вместе со звуками, а не привязанность к жизни и ее предметам" [8, с. 321]. И не случайно образ России как целого явился ему в образе бешено скачущей тройки, которая "мчится, вся вдохновенная Богом".

Е.Н. Трубецкой, размышляя над духовным смыслом древней русской иконописи, этим уникальным и единственным в мире видом искусства, справедливо увидел в ней не только выражение "беспредельной" и "бездонной глубины скорби существования", но и ту "великую радость", в которую претворяется скорбь; то и другое в ней нераздельны [24, с. 277]. "Но есть в этой иконописи и что-то другое, – заключает он свои размышления, – что преисполняет душу бесконечной радостью, – это образ России обновленной, воскресшей и прославленной. Все в ней говорит о нашей народной надежде, о том высоком духовном подвиге, который вернул русскому человеку родину" [24, с. 290].

Таким образом, есть убедительные основания говорить о том, что оптимизм, как и потребность смысла жизни являются одними из тех наиболее ярких и глубоко укорененных черт русского народа (составляющих во многом стержень и своеобразие его культуры), в развитии которых значительную роль сыграл фактор счастья–несчастья и то, как он объективно складывался в жизни и исторической судьбе народа.

Подведем некоторые наиболее общие итоги. Исследование показало, что представления и отношение русского народа к счастью–несчастью имеют свои особенности, которые формировались в сложной и трудной исторической судьбе Российского государства и жизни народа. Они составляют неотъемлемую часть его менталитета, в значительной степени определяя своеобразие духовной культуры и национально-психологических черт русских людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аргайл М. Психология счастья. М., 1990.
2. Бальмонт К. Избранное. М., 1980.
3. Бердяев Н. Самопознание. М., 1990.
4. Бердяев Н. Судьба России. М., 1990.
5. Берестов В. Лестница чувств. Солнце нашей поэзии. М., 1989.
6. Вацлавик П. Как стать несчастным без посторонней помощи. М., 1990.
7. В поисках социальной парадигмы ("круглый стол") // Социологические исследования. 1995. № 10.
8. Гоголь Н.В. Собр. соч. в 7-и томах. М., 1986. Т. 6.
9. Джидарьян И.А., Антонова Е.В. Проблема общей удовлетворенности жизнью: теоретическое и эмпирическое исследование. Сознание личности в кризисном обществе. М., 1995. С. 76–94.
10. Достоевский Ф. Преступление и наказание. М., 1974.
11. И будет вечен вольный труд... Стихи русских поэтов о родине. М., 1988.
12. Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. М., 1988.
13. Кучер С. Бовин не любит стрелять. Комсомольская правда. 15.09.1990.
14. Лермонтов М.Ю. Избранные сочинения в двух томах. М., 1970. Т.1.
15. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991.

16. Пушкин А.С. ПСС. Л., 1977. Т. 5.
17. Пушкин А.С. ПСС. Л., 1977. Т. 1.
18. Пушкин А.С. ПСС. Л., 1977. Т. 2.
19. Пушкин А.С. ПСС. Л., 1977. Т. 3.
20. Раневская Ф. Мне нужен XIX век. Куранты. 11.06.93.
21. Российский менталитет. Психология личности, сознания, социального представления. М., Ин-т психологии РАН, 1996.
22. Россия и Европа. Опыт соборного анализа. М., 1992.
23. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М., 1981.
24. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994.
25. Тургенев И.С. Сочинения в 12-ти томах. М., 1986. Т. 12.
26. Тургенев И.С. Сочинения. М., 1980. Т.4.
27. Тургенев И.С. Сочинения. М., 1982. Т. 9.
28. Diener E. Subjective Well-Being. Psychol. Bulletin. 1984. V. 95. № 3. P. 542–575.
29. Michalos A.C. Optimism in thirty countries over a decade. Social Indicators Research. 1988. V. 20. P. 177–180.
30. Wilson W. Correlates of avowed happiness. Psychol. Bullet. 1987. V. 67. P. 294–306.